
Глава первая

1

Ночью побрызгал дождь, утро выдалось удивительно ясное. С чувством лёгкости и чистоты на душе Гульшагида поднялась с постели, накинула халат и, ступая на цыпочки, чтобы не разбудить подруг, распахнула окно. Лицо, шею овеяло свежим, слегка влажным воздухом. Облокотясь о подоконник, девушка загляделась на нижнюю часть города. Казань ещё не совсем проснулась. Улицы как бы дремали под розовой кисеёй. Спокойствие и тишина властвовали над городом. Но вот первые лучи солнца скользнули по крышам и стенам самых высоких домов. Освещённые каменные громады вздымались, точно скалы. Дома пониже все ещё стояли в тени. А вершины деревьев в садах и скверах, как бы окунувшись в расплавленное золото, сияли и лучились. Всё кругом, даже оторвавшийся от паровозной трубы клубочек сизого дыма, оставалось неподвижным. Не шелохнётся Волга. Широко раскинулась величественная река. Пристань, высокие порталные краны, тёмно-зелёные горы на том берегу заколдованы утренней тишиной, погружены в глубокую задумчивость.

Гульшагиде кажется, что она не из окна общежития смотрит, а парит в прозрачном воздухе, навстречу всё ещё пылающей утренней заре. Душа переполнена одной радостной и тревожной мыслью: «Мансур вернулся». На самом деле вернулся или это всего лишь слух, Гульшагида не знает точно, сама она не видела Мансура. Но и слуха было достаточно, чтобы потерять покой.

...Как бежит время! Окончив мединститут, девушка уехала работать в родную деревню Акъяр. И вот уже четыре года минуло. За четыре года разлуки с Мансуром

вряд ли наберётся и четыре дня, когда бы она не вспоминала о нём! Стоило Гульшагиде ненадолго попасть в Казань, сердце её начинало бурно биться, всё существо безудержно стремилось к памятным местам — Федосеевской дамбе, Фуксовскому саду. Но она избегала бывать там, боялась — вдруг случится что-то страшное, если наведается туда. Она старалась поскорее уехать из Казани, а потом, вернувшись в Акъяр, ужасно раскаивалась в своей слабости. Но стоило ей снова приехать в Казань, всё повторялось сначала. Это было какое-то наваждение. Ведь Гульшагида знала, что Мансура нет в Казани, что он работает где-то на далёком Севере. Ясно было как день, если она даже и побывает на Федосеевской дамбе, не произойдёт ничего страшного, как не случится и чуда. Так говорил разум. А сердцу думалось иначе.

Этим летом она приехала в Казань на курсы усовершенствования врачей. Покидая Акъяр, поклялась себе: заниматься только учёбой, не вспоминать ни о чём, что могло бы разбредить её чувство к Мансуру, — не посещать заветные, памятные места, особенно Федосеевскую дамбу и Фуксовский сад. На её счастье, программа курсов оказалась ещё обширнее и сложнее, чем она предполагала: лекционный зал, больница, библиотека — вся её жизнь как бы замкнулась в этом треугольнике. Бывали дни, когда она не успевала даже пообедать.

В этой сутолоке незаметно минули четыре месяца. Ещё два месяца — и конец учёбе. Не задерживаясь, она вернётся в свой Акъяр. А там жизнь опять потечёт размеренно и привычно, как речка Акъярка: зимой — под толстым льдом, весенней порой — неширокий разлив, а в летнюю жару — мелководье.

Сердце человека наделено предчувствием. Томясь неясной тревогой, человек старается не углубляться в себя. Гульшагида так и делала. Но вот этот слух... И она проснулась с мыслью: «Зачем без конца мучить бедное сердце? Ведь всё равно не выдержи и когда-нибудь пойду туда...»

И, как бы заранее приняв решение, она оторвалась от окна, быстро умылась, надела лёгкий бежевый пыльник, туго стянула поясом и без того тонкую талию, мимоходом бросила взгляд в зеркало. Иссиня-чёрные волосы гладко зачёсаны назад, толстые косы собраны на

затылке узлом. Этим волосам не нужно ни шляпы, ни платка.

Выйдя из общежития, уже не колеблясь, быстро зашагала по улице. Через десять-пятнадцать минут оставилась на крутом откосе Фуксовского сада — у знакомой скамейки. Сердце её гулко стучало, дыхание было отрывистым, глаза блестели. Внизу раскинулась речка Казанка. Вот кто-то спускается к дамбе — решил спозаранку прокатиться на парусной лодке.

Гульшагида закрыла лицо руками, и за эти короткие минуты перед её взором, словно озарённые молнией, промелькнули события, пережитые четыре года тому назад.

...Профессор Абузар Гиреевич Тагиров предложил Гульшагиде после окончания мединститута остаться в ординатуре. О каком ещё счастье могла мечтать девушка, выросшая сиротой в деревне, с великим трудом поступившая в институт?

Если бы это заманчивое предложение ничем не обуславливалось, с какой радостью согласилась бы Гульшагида! Но к тому времени она уже подружилась с приёмным сыном профессора Тагирова — Мансуром. Они часто встречались, вместе веселились, танцевали на студенческих праздничных вечерах; иногда ходили в кино, на каток... Мансур увлекался любительским боксом, приглашал Гульшагиду в спортзалы. Но она не находила удовольствия смотреть на то, как люди дубасят друг друга. Однажды соперник Мансура сильным ударом нокаутировал его. Гульшагида страшно испугалась, стала умолять Мансура бросить бокс. «Занимайся лёгкой атлетикой или футболом! — говорила она. — Играй в волейбол, баскетбол, поднимай гири, плавай, ходи на лыжах, только брось эту драку». Мансур не послушался, и у них случилась первая размолвка. Гульшагида сочла себя обиженной. Но долго ли может таить обиду любящее сердце!.. Девушка опять стала заходить в дом к Мансуре.

Библиотека профессора Тагирова славилась на всю Казань. Он разрешил молодым людям неограниченно пользоваться книгами. Мансур и Гульшагида подолгу засиживались днём и по вечерам. Им никто не мешал. Абузар Гиреевич был занят то в деканате, то в боль-

нице, то на научных заседаниях. В доме стояла тишина и как бы лёгкие сумерки — Мадина-ханум в любой день велела опускать шторы. Она сильно изменилась в годы замужества. В молодости работала учительницей, увлекалась любительской сценой... А теперь стала домохозяйкой: большую часть времени проводит за чтением художественной литературы, книг по искусству; иногда готовит мужу необходимые для научной работы материалы. Удивительно аккуратная, Мадина-ханум знает место каждой книги в библиотеке мужа.

У Тагириных долгие годы жила домработница, одинокая женщина Фатихаттай, она стала в семье профессора как бы родной. Худошавая, проворная и бойкая, всегда с засученными рукавами, повязанным на затылке, как у молодых, платком, Фатихаттай не любила мазать глаза без дела: выходила из кухни только перед обедом и ужином, чтобы помочь хозяйке накрыть стол. Потом Фатихаттай стучала в дверь библиотеки или профессорского кабинета, полунасмешливым тоном приглашала молодых людей к столу:

— Хватит вам! Всё равно не прочитаете столько книг, сколько прочли мы с Абузаром. Идёмте ужинать, а после будем пить чай. Абузар говорит, что у чая семьдесят семь целебных свойств, когда выпьешь чайку, голова лучше варит.

Иногда Гульшагида от полноты чувств обнимет славную старушку, начнёт кружить по комнате. У Фатихаттай только позвякивают вплетённые в косы монеты.

— Ой, Гульшагида, милая, сердце зашлось! — Старушка в изнеможении опускалась на стул и, лукаво поглядывая на Гульшагиду, многозначительно покачивала головой. — Ай, проказница!..

Иной раз, отдыхая от занятий, Мансур играл на рояле. Гульшагида по просьбе Мадины-ханум или профессора что-нибудь пела под аккомпанемент.

Как-то в середине мая молодые люди катались по Казанке на лодке. Хорошо было! Простор — глазом не окинешь. Отдаляется крутой берег, зелёный город. Тихо плещутся о борт мелкие волны. Откуда-то доносится трель гармоники. И вдруг в этот чудесный мир ворвалась пьяная песня. Потом — женский душераздирающий крик:

— Тону, помощи-те, то... ну!..

Мансур быстро развернул лодку. Они подплыли к месту происшествия. Какой-то парень бултыхался в воде, пытаясь ухватиться за перевернутую лодку, а чуть в стороне, в центре водоворота, то исчезала, то показывалась голова девушки. Вот она совсем скрылась под водой. Испуганная Гульшагида не успела слова сказать, как Мансур, в одежде, прыгнул с лодки.

Прошли секунды, но они показались Гульшагиде вечностью. Она закричала вне себя. Наконец Мансур ненадолго вынырнул. Отдышавшись, снова скрылся под водой. Так повторилось несколько раз. И только на четвёртой или пятой попытке он вытащил девушку, держа за косы.

Потом Мансур и Гульшагида вынесли пострадавшую на берег, принялись откачивать её, делать искусственное дыхание. Пришлось повозиться и с пьяным парнем. Когда девушка открыла глаза, спасители передали её подоспевшим врачам, а сами незаметно ушли.

Вечером они вернулись на берег Казанки. Сидели на скамейке в Фуксовском саду, у самого обрыва. Взошла луна. Реку пересекала серебряная дорожка. В этот вечер Мансур первый раз обнял Гульшагиду. Девушка прикинула головой к его груди и притихла. И тут почувствовала, как губы Мансура коснулись её волос. Осторожно она приоткрыла глаза. Мансур глянул в эти мерцавшие в темноте глаза и вдруг поцеловал её в самые губы...

— Я очень, очень испугалась, когда ты бросился в реку, — тихо проговорила Гульшагида.

— Не надо об этом... Смотри, как блестят на воде серебряные мониста, — прошептал Мансур.

Долго сидели они, глядя, как переливаются в реке лунные блики. Лица их незаметно сблизились, руки сплелись. Обоим было очень хорошо.

Откуда ни возьмись появился долговязый парень.

— Простите, я вас ищу весь вечер... Хотел поблагодарить... Вы спасли мою девушку.

Это был тот самый незадачливый парень, который спьяна перевернул лодку и чуть было не утопил девушку. Мансур вскочил со скамьи, взял его за локоть, отвёл в сторону; другой рукой зажал ему рот и гневно шепнул на ухо: